

Разговор об унылой машине

Евг. ПЕРМЯК

В Пензу я приехал, побывав на Урале, в крае заводов-отцов, заводов-учителей, старших и младших братьев семьи отечественной промышленности.

Никогда не сотрется в памяти впечатление от Челябинского трамбуса завода, на котором обычная стальная болванка почти без прикосновения человеческих рук превращается в пельменную тундру тридцатипятидюймовую трубу. Такие заводы с механизацией, автоматизацией — первые зачатки большой весны коммунизма.

В Пензе, на велосипедном заводе, как и на предприятиях Урала, можно увидеть много нового и интересного.

Равнее, например, отделе технического контроля затрачивают много времени на то, чтобы промерить деталь сложной конфигурации. Применяли десятки измерительных приспособлений, изобретенных специально для этой цели. Теперь детали можно выдать в бункер прибора, как зерно в веселку, и светопрозрачное «электро-ОТК» мгновенно отсортирует и измерит их.

Побывав в цехах, я зашел к директору завода Евгению Ивановичу Бутузову. В завязавшейся беседе он с увлечением рассказывал о борьбе конструкторов за автоматическую сварку узлов велосипедных рам; об автоматизации хромирования, контроля и о многих других операциях, через которые, рождаются, проходят велосипеды.

— Не подумайте, что я хвастаюсь, — добавил Евгений Иванович, — но наш пензенский велосипед уже достиг отличных ходовых и механических качеств.

Пока директор завода проносил эти слова, я рассматривал отделеку металлической двери негостевого шкафа, стоящего в кабинете.

— Красиво! — заметил я.

— Не знаю, — удивился тов. Бутузов моей непоседливостью. — Но какое отношение это имеет к велосипеду?

— Большое, Евгений Иванович. Директор пошел, куда клавится речь, и сразу согласился:

— Да, мы плохо окрашиваем наши велосипеды, — взор директора затуманился, — об этом нужно говорить. Нужно критиковать нас.

— Это мы сделаем... Но разве вы-то сами, положив руку на сердце, не знаете, что пензенский велосипед скучен, как дождь осенью.

— Это не совсем деловой разговор, — попытался возмутиться директор, — посмотрю-то машину, а не окраску...

Потом, подумав, решил оправдаться.

— Я ведь недавно назначен сюда. Напомним, однако, что до этого нынешний руководитель предприятия был парторгом завода. Разве парторг завода товарищ Бутузов в свое время не слышал, что говорит о велосипеде главный критик — потребитель? Слышал! Знал! Значит, новый директор был вполне подготовлен к борьбе за качество, за отлаженную работу в цехах, за репутацию завода и его продукции.

2.

Кто покупает велосипеды? В основном молодежь. Чтобы понять ее требования, вспомни свой первый велосипед... Каждый из нас хотел, чтобы велосипед был красив, чист, об раздала глаз. Такой легкой бы спортивной, дорожную машину заводской комсомольской юности. А кто думает ныне об украшении пензенской машины?

Художнику со вкусом, с опытом, с извешен надеждой подобать для машины красивую расцветку. Ведь трафарет велосипедов пензенского завода превосходит трафарет заводской книги. Бунту мы оформляем, приглашая художника, и наверняка есть смысл пригласить художника, чтобы придумать о внешнем виде велосипеда.

Мы сомневаемся также в том, что велосипед следует называть «Харьков» или «Пенза». Можно было бы, конечно, назвать машину «Пензяк». Но вряд ли привлечет покупателя такое название. Молодежная машина имеет право на романтическое название: «Молния», «Стрела», «Ласточка». Ведь право же, нужно, когда говорят: «Я на Пензе езжу, а Грisha на Харькове».

Смешно звучит рассказ работников Пензенского велосипедного завода о том, как при помощи свечки здесь «срамзаморивают» единичные образцы машин. И рассказывают, как об отряпках! И это очень грустно, ибо здесь кончается юмор и начинается скудоумие. В самом деле: считать ли эту кустарную доделку? На наших автомобильных заводах ведь отлично окрашивают металл. Может быть, стоит поговорить из Пензы в Горький или Москву и узнать, как это делается?

Слушая уверения директора завода о том, что на предприятии «думают о раскраске», я удивлялся: ну ужасно «думают о раскраске»! никогда не было страшно смотреть на технологию окраски рамы и ободов? Неужели они не сообразились, глядя на человека, «окунающего» велосипедные рамы в бак с подогретой краской асфальтового происхождения и выпускающего «траурные велосипеды»?

Я видел, как краска заливает пустоты рамы-трубы, потом стекает в канавку и, медленно густея, течет обратно в черную канавку. Потери огромны. Расходы чудовищны. Качество позорно.

Неужели инженеры, разработавшие сложнейшие процессы изготовления велосипеда, не знают, что такое красит при помощи аэрозольного «пистолета», который безостановочно стреляет цветным туманом, состоящим из миллиардов мельчайших брызг? Знают. Они знают и камеру-автомат, где стоит цветной кюветный «туман»; прохода через этот «туман», вещь приобретает цвет. Неужели нельзя перейти к новым, передовым способам окраски? К липу ли предприятие, опережившему многих во многом, такие первобытные способы отделки готовой продукции?

А упаковка? Паток облитых дощечек... Это ли упаковка? Кто отвечает за неизбежные парашюты при транспортировке в такой таре? Не правильно ли, затратить сотни рублей на изготовление каждого велосипеда, израсходовать еще две копейки и обмотать готовую машину бумагой или лентой? Руководство пензенского завода отлично знает, что не подаривших велосипедов в магазинах нет, и тем не менее продолжает посылать народу «шепные письма» без «конвертов».

3.

Чтобы проверить выводы, сделанные в Пензе, мы заглянули в филиал № 3 Центрального универмага Москвы. Василий Николаевич Ботов — директор магазина — имеет все основания говорить от имени потребителя, поскольку с покупателями велосипедов общается он, а не директор пензенского завода Евгений Иванович Бутузов. Директор магазина подтверждает, что, увы, не пензенских машин ищет покупатель. Причины?

— Пензенская машина выглядит, как... «мошак», уж очень она постылая и черная... Правда, в последнее время пензенский завод ввязался за ум и начал кое-как отпаивать иные партии машин, идущие для Москвы, вынуждая их. Но все это пока не меняет картины. Харьковский завод выпускает машины разных цветов — красивые оформленные черные, синие, голубые, — и потребители, конечно, предпочитают купить харьковский велосипед, даже цена машин одинаковая... Но что говорить об окраске, — следует поговорить и о конструкции...

И тут директор магазина отпустил столько «комплиментов» по адресу пензенской конструкции, разбирая ее пополам и сравнивая с конструкцией харьковского велосипеда, что мы не могли не вспомнить слов Евгения Ивановича Бутузова: «пензенский велосипед уже достиг отличных ходовых и механических качеств». Какие же это, с позволения сказать, «качества»?

Оказывается, что в то время, когда другие предприятия выпускают велосипеды разных размеров, пензенский завод выпускает машины на один рост. Харьковский завод выпускает велосипеды с поворотными рулями, с опущенными рулями, а пензенский — отстает. На этом заводе додумался только до того, чтобы опущенный визг руля, сконструированный 25 лет назад, поставить вверх ногами.

И, наконец, — замечает тов. Ботов, — велосипеды у нас, как известно, покупают не для украшения, а для дела. Человек хочет иметь максимум удобства от машины. Он пользуется ею для поездки на работу. Велосипеды все больше и больше входят в быт колхозников. И покупатель, который приходит в магазин, ищет прежде всего машину с багажником. Харьковский завод выпускает такую машину, а пензенский, очевидно, не думает о покупателе и упорно выпускает велосипеды без багажников.

4.

Разговоры, которые мы вели в Пензе и Москве, шире вопроса о пензенском велосипеде. К сожалению, есть еще немало директоров, главных инженеров, начальников цехов, которые, выпуская продукцию, мало думают об обновлении моделей, об оформлении готовых изделий, не заботятся о том, будут ли эти изделия радовать глаз покупателя, удовлетворят ли они вкус широкого потребителя — нашего народа, который ждет от заводов и фабрик вещей красивых, изящных, прекрасно отделанных! Такие директора, главные инженеры, начальники цехов любят говорить о качестве продукции, об усилении оборачиваемости оборотных средств, забывая о том, что продукция, подобная «траурным велосипедам», и модели времен Очагова и покорения Крыма отнюдь не способствуют благополучию предприятия: потребитель-то ведь попросту отворачивается от плохих вещей, предпочитая покупать за свои деньги изделия тех заводов и фабрик, которые по-настоящему заботятся о качестве продукции, об эстетических потребностях советских граждан, научились удовлетворять их вкус, которые следят за поступательным движением техники вперед, а не отстают от нее.

Печальная картина, открывшаяся на пензенском заводе, должна, по нашему мнению, побудить многих хозяйственников, руководящих предприятиями, выпускающими предметы широкого потребления, проверить: не пора ли их работа на выпуск «траурных велосипедов»? А если в чем-либо похожа, то немедленно и начисто отменить этот негодный, порочный стиль палевательского отношения к конструкции, красоте и изяществу вещи, носимой советскую марку.

ПЕНЗА—МОСКВА

ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ

ФИЛЬМЫ, ЖДУЩИЕ ЗРИТЕЛЯ

Когда тот или иной товар отправляется к месту назначения «наволом» и лежит невостребованным мертвым капиталом на складах, это вызывает у нас справедливое негодование. Но есть область, в которой нечто подобное происходит повседневно, не вызывая как будто ни с чьей стороны заметной беспокойства.

Мы имеем в виду продвижение и использование учебно-технических и научно-популярных кинофильмов. Вряд ли следует доказывать, что эти фильмы должны играть первейшую роль в деле обучения и коммунистического воспитания миллионов советских школьников и студентов, профессионального совершенствования и просвещения широких масс. Но можно ли назвать правильное использование этих фильмов, если они, главным образом, и притом редко, демонстрируются случайно зрителю в качестве «бесплатного приложения» к художественной картине?

Конечно, показать научно-популярный фильм «случайному» зрителю — тоже дело полезное, но ведь тогда фильм является полезным не столько для зрителя, сколько для зрителя, который владеет определенной отраслью знаний, что не просто посмотреть, а и воспринять его как наглядное пособие к уроку или просветительной лекции.

Ничего подобного, однако, в действительности нет. В местной «коиторе» (название-то какое коммерческое!) Главкинопроката педагог, лектор или просто человек, занимающийся самообразованием, в лучшем случае найдет лишь устаревший и далеко не полный перечень фильмов. Но что говорят ему в сердце «клиента» такие названия, как «Чудесная лаборатория», «Одним из многих», «Зоркий помощник» и т. д.? Кто догадается, что «Чудесная лаборатория» — это наш желудок, «Одним из многих» — это те, кто неправильно организует свое питание, а «Зоркий помощник» — фотоземлет.

Педагог или лектор должен просмотреть фильм, чтобы узнать его содержание, потому что кинозрители не считают нужным снабжать свою продукцию даже краткими аннотациями.

Не пора ли выпускать аннотированные каталоги фильмов, фильмографические бюллетени, рекомендательные списки, составленные в составе кинопродкатных учреждений авторитетные научно-методические советы, кинопедагогические семинары и курсы, организовать пропаганду передового опыта применения научных фильмов и т. д.?

Б. ТОЛЛЬ,

председатель киносекиции Ленинградского дома ученых им. М. Горького

КОЛХОЗНЫМ КЛУБам — ХОРОШИЕ ПЬЕСЫ

С ростом материального благосостояния колхозников растут и их культурные запросы, повышается требования к клубам.

Если несколько лет назад мы разволновались нашей редкой госте — кинопереводке, то теперь, например, в нашем клубе имеется стационарная киностанок. Если раньше нас удовлетворяли раскоро подготовленные любительские спектакли, то сейчас мы стремимся создать постоянный самодеятельный театр.

И вот тут-то мы встречаемся с большими трудностями. Пьесы для самодеятельных театров издается в малых тиражах и часто бывают невысокого качества. Почему-то принято писать для колхозных клубов только одноактные пьесы.

В деревнях сейчас много людей со средним и высшим образованием, много учащейся молодежи. Постановка одноактных пьес уже не удовлетворяет колхозников. Для колхозной сцены нужны более сложные драматургические произведения.

Товарищ драматург, дайте колхозным клубам пьесы, удовлетворяющие возрастные требования зрителя-колхозника.

И. ПРИХОДЬКО

с. ЮНАКОВКА Мировпольский район, Сумской области

ВЫРАЗИТЕЛЬ НАРОДНЫХ ДУМ

К 80-летию со дня рождения Сулеймана Стальского

Жизнь Сулеймана Стальского, одного из самых замечательных поэтов нашего времени, получившего всенародную известность в годы сталинских пятилеток, сложилась необычно. Его творческая деятельность началась лишь в зрелые годы, когда Сулейману Стальскому было около сорока лет. За плечами у поэта уже был большой жизненный опыт. Он познал горечь и обиды бедняка-сироты, попытался тяжесть потневального труда. Тринадцатилетним мальчиком вынужден был Сулейман уйти из родного аула и работать батраком и чернорабочим на виноградарских Дербетта, затем в Гандже (Апробаб), на нефтеромыслах Баку, на постройке железной дороги в Средней Азии.

Трудовая жизнь бок о бок с русскими, азербайджанцами, грузинами, людьми разных национальностей, обогащает Сулеймана глубоким знанием жизни. Начало поэтической деятельности Сулеймана Стальского прямо связано со стремлением выразить наблюдения, выстраданные думы, чаяния и мечты народа.

Это случилось во родине поэта в Дагестане, в родном ауле Апшага-Стаге. Ожидая, возвращаясь после работы домой, Стальский увидел бродячих певцов, которые несли поэму о соловье, тоскующем по солнцу. Слова песни не удовлетворили его. «Соловья может всякий спеть», — сказал Сулейман дома жене. И впервые в жизни начал писать стихи.

«Люблен без памяти в цветы, Не замечает разве ты Странная, муки нищеты, И плач, и стоны, соловей!»

Все творчество Сулеймана Стальского посвящено народу, оно глубоко идейно, глубоко содержательно. Подлинно народному поэту, ему глубоко чуждо пустое эстетство, безразличная «красота» стиха. Стальский говорил:

Поэта гордость — зловонный стих, Но стих не терпит слов пустых.

Стальский никогда не замыкался в темноте сельской жизни. Жизнь рабочих ему всегда была близка. «Однажды, — вспоминал он, — ко мне пришли только что вернувшиеся из Баку мои старые приятели. Они рассказали мне печальную историю. На нефтяных промыслах была забастовка рабочих, но они кончилась неудачно, и моих друзей уволили как зачинщиков. О забастовке я сложил поэму».

Великая Октябрьская социалистическая революция вдохнула в поэта новые силы. В годы гражданской войны и интервенции он выступал, как пламенный защитник власти рабочих и крестьян.

Одно из лучших стихотворений создал Сулейман Стальский в честь славной исторической даты — 13 ноября 1920

ДРАМАТУРГ, ПРОЗАИК, ПОЭТ

К 75-летию Шава Дадияни

Творческие интересы Шава Дадияни очень широки. Автор пятидесяти пьес, нескольких кинодраматургических либретто, он выступает и как романист, как поэт, пишет рассказы, исторические очерки и театроведческие труды. Грузинская смена знает его как талантливого актера и режиссера, он вел и ведет активную и самостоятельную общественную деятельность.

Ш. Дадияни как писатель формировался в ту пору, когда в Грузии под руководством товарища Сталина шло широкое революционное рабочее движение. Уже одна из первых драм Ш. Дадияни «Назад» насыщена предчувствием надвигающейся великой революции. В дальнейшем все его пьесы были посвящены общественным проблемам. Если на первых

года. В этот день на съезде народов Дагестана товарищем Стальским была провозглашена автономия Советского Дагестана.

Сулейман Стальский — певец друбы народа; в его стихах наши яркое выражение идеи животворного советского патриотизма.

С огромной любовью говорит поэт о русском народе и его передовой культуре, сказавшей большое прогрессивное влияние на развитие культуры народов Советского Востока. С какой противобольшевизмом и пониманием роли Пушкина создал Сулейман Стальский стихи о великом русском поэте:

Какие б песни ты запел, Шавр воспрянувший России, Глаз каждый горд и каждый смел, Песня Сулейман берет свой саз, Поет о друге своем лучшем, Зовет весь солонный Кавказ Навек запомнить слово — Пушкин!

Необычайно богато творчество Сулеймана Стальского общими с А. М. Горьким, высоко оцененным чудесный поэтический дар великого дагестанского ашуга.

В произведениях народного поэта наша яркое отражение все наиболее значительных событий нашей страны: индустриализация, коллективизация сельского хозяйства, успехи культурной революции.

Лучшие стихи Сулеймана Стальского посвящены образам великих вождей народа — Ленину и Сталину. Всенародную известность получила «Песня о товарище Сталине» — этот подлинный гимн великому Сталину и партии большевиков.

Живое двигает вперед, Мужички партия велет, Шугает трудовой народ — И ты их знаешь, Сталин.

Для всех трудящихся, как свет, Горюш ты с юности лет, Велет тула, где гора нет, Где только радость, Сталин.

Идут года — за годом год, Нас охраняешь от неждок, И дальний виден небосвод Тебе, вершина, Сталин.

Расцвет народной поэзии в нашей стране — результат торжества демократической народной поэзии. Творчество великанов народной поэзии великана Сулеймана Стальского и его современника казаха Дакмуба — это грандиозные поэтические памятники нашей сталинской эпохи. Сила их творчества в том, что они, выходя из трудового народа, являлись вдохновенными певцами великого дела Ленина — Сталина.

Л. КЛИМОВИЧ

Вит. ВАСИЛЕВСКИЙ СТИЛЬ 1949 года

1.

К Александру Чутких на Краснохолмский камвольный комбинат приехали две девушки — приданница и ткачиха — из подмосковного фабричного поселка.

Приданница Мария Рожнева и ткачиха Лидия Кононенко рассказали прославленному стахановцу, лауреату Сталинской премии, что она обратилась с призывом к работникам легкой промышленности организовать соревнования за экономии сырья.

Несколько месяцев назад Александр Чутких, справедливо полагая, что сама идея коммунистического труда не терпит небрежной работы, брака, скверной продукции, перебрешивая в качестве изделия, призывал своих товарищей работать только «на отлично», повысить требования к себе, к своему станку, к своему мастерству. Почти московского текстильщика был подхвачен на всех фабриках и заводах страны, и тысячи стахановских бригад решили, что отныне социалистическое соревнование должно быть соревнованием прежде всего за отличное качество продукции. И теперь в одной только легкой промышленности 25 тысяч бригад соревнуются за выпуск исключительно первой сортовой продукции.

Среди последователей Александра Чутких была Мария Рожнева и Лидия Кононенко из подмосковного поселка Купавна.

Путник, свернувший с Горьковского шоссе на 32-е километре от столицы, долго ищет дом старожавных, домами поставленных димом с мезонинами и резными балконами, с классической геранью на окнах и не менее классической березкой в палисаднике. Брай потомственных слухов глухой, мерный шум, словно шум подводной реки. И вдруг на повороте, за недостроенным зданием клуба возникает корпус Купавинской ткацкопрядильной фабрики. Здесь и работают Мария Рожнева и Лидия Кононенко.

На вырвах фабрики висит плакат: «Наша важнейшая задача — продукция высокого качества и экономии сырья». Запомни эти слова. Александр Чутких призвал мастеров выпускать продукцию отличного качества. Сейчас призывы на воротах Купавинской фабрики говорят нам: и отличное качество, и строгая экономия сырья.

2.

Мария Рожнева и Лидия Кононенко вначале пошли по пути Александра Чутких. Как и тысячи тысяч стахановцев, они долго, настойчиво, упорно боролись за первосортную продукцию, и наконец-то слава мастеров высокого качества пришла к ним. Наши стахановцы, питомцы партии большевиков, патриоты социалистического Отечества, новаторы, рационализаторы, открыватели новых путей в технике относятся к своему труду творчески, они смотрят на работу с государственной точки зрения.

Это животворное начало сказалось и в труде девушек с Купавинской фабрики. Однажды они задумались: какова «цена» их высококачественной продукции? И оказалось, что «цена» — непомерно дорога, ибо сырье они расходуют «на-глазок», без хозяйского расчета.

При ходе ровницы о бобин неизбежно три-четыре метра пряжи шла в рава, — вспоминает теперь Маша Рожнева. — Я задумалась, а нельзя ли оставить на скалке всего лишь метр? Пометра? Оказалось — можно! Сокала устроила обрав, а ушла оставалась вот этакое — как у откормленного котика. Много обрала усы, выгнула на пол, в рава! Так все поступали, так — чего оправдываться — и я делала.

Без малого пять почетов с каждой сотки — 4,8 процента пряжи имела право с спокойной совестью (норма) отправлять в отходы, в угар ткачиха Лидия Кононенко. Пятилетний план Лиза выполняла за три года и два месяца. На ее

счету ныне пять тысяч сверхплановых метров сырья. Казалось бы, чего беспокоиться, о чем тревожиться?

«Сама себе — судья», — сказала Лиза Кононенко. Нет надобности объяснять, как много технически нового внесли в производственный процесс новаторы Купавинской фабрики. В журналах, на производственных совещаниях, в стахановских школах часто подробно рассказывали, как научилась Лидия Кононенко дорабатывать каждый почеток в челноке до конца, как пришила Маша Рожнева проволочить смену бобин на ходу за два отхода каретки, бережно раскатывать бобины, не оставляя длинных концов. Самые типичные, привлекательные во всем этом, что были комсомолки «сами себе — судьями», что они строго, рьяно не последовали своей туде, что успешно не консулись их сердцем.

Мария Рожнева сократила отходы шерсть в три с половиной раза и выпустила дополнительно более 300 килограммов пряжи. Ткачиха Лидия Кононенко сэкономила 70 килограммов шерсть.

И мы получили в подарок 150 метров высококачественного сырья.

Скромный ли это подарок? Пожалуй, сам по себе он и не так уж велик. Но советские люди неизменно стремятся «свое» превратить во всеобщее, всенародное. В капиталистическом мире таких явлений нет, да и быть не может. Там процесс обратный. Отнюдь не прогрессивная настроенная американская журналистка Мексин Девис писала: «Бесседно проходят годы для нашей молодежи, не знающей, за что бороться, для чего жить... Жизнь нашей молодежи лишена духовного содержания».

Духовное содержание жизни купавинских комсомолок весной этого года заключалось прежде всего в том, чтобы личная почта скорее превратилась в почин общественной, чтобы от станка, бригады пойти в цех, во все цехи фабрики — да что фабрики! — всех фабрик страны. Партийная организация Купавинской фабрики, секретарь комсомольского комитета, неутомимый, неутомимый, неутомимый в стремлениях, веселый Виктор Шелушкин подхватил инициативу умных, талантливых комсомолок. И прошам в де-

хах, смеясь комсомольско-молодежные собрания; агитаторы говорили о почете Рожневой и Кононенко; ткачи открывали личные счета экономии. Подсчитано: за год молодые приданницы фабрики дали из сбереженной пряжи 68 тысяч метров сырья сверх плана; ткачи дополнительно выработали около 19 тысяч метров сукна, а это значит — многие тысячи рублей экономии.

Вот какой щедрый, какой великий подарок решил преподнести народу купавинские ткачи. А началось-то все это с того, что заметила Маша Рожнева: при ходе ровницы с бобин три-четыре метра пряжи неизменно шла в рава...

Вот для чего жили, за что боролись весовой этого года Мария Рожнева и Лидия Кононенко.

«Правда» широко осветила на своих страницах, поехала в гущу народа радостную весть о начинании купавинских комсомолок. Коллегия Министерства легкой промышленности СССР заслушала доклад Рожневой и Кононенко об опыте их работы и признала необходимым, чтобы на всех предприятиях страны была развернута борьба за экономию сырья и выпуск дополнительной продукции.

И появился на воротах Купавинской фабрики плакат: «Наша важнейшая задача — продукция высокого качества и экономии сырья».

3.

Недавно помощник мастера Трехгорной мануфактуры Владимир Иванович Воронин рассказывал мне, как, по поручению партийной организации, он изучал причины отставания соседней бригады. Там вдруг появился брак. Всего несколько метров бракованной ткани. И тутчас партийная организация послала на помощь соседям коммуниста Воронина, бригаду которого свыше двух месяцев выпускает продукцию только «очинного» качества.

— Совсем не намерен я обижать бригады, — сказала мне Владимир Иванович. — Несколько лет назад мы махнули бы рукою на эти метры второсортной ткани. Вопрос политический: фабрика обязана выпускать исключительно отличную продукцию. Я занимаюсь соседней брига-

дой, мастер Бостухин идет, по поручению парторганизации, в бригаду Елесева. Так повесомство. В прошлом году мы повысили скорости, мы учили ткачих работать сначала на восьми, потом на двенадцати, потом на шестнадцати стаяках. Научили! Теперь это для нас пройденный этап. Трехгорка не хочет стоять на месте. Продукция высокого качества — это стиль сорок девятого года.

В тот день, говоря «продукция высокого качества», Воронин не добавил: «...д экономии сырья», ибо мы еще не слышали призыва купавинских комсомолок.

Однако были оказаны верище, настоящие слова: стиль сорок девятого года! Они характеризовали новый подъем социалистического соревнования, которое выросло в подлинно всенародное движение, стало жизненной потребностью советских людей, и с яркой силой знаменует борьбу нашего народа за дорожное выполнение послевоенной пятилетки, за построение коммунистического общества.

Та же Девис в книге о молодом поколении Америки горестно восклицала: «Нужен герой! Если бы подобное явление было помещено в газетку, то вряд ли бы нашелся соответствующий капитал, который мог бы оправдать ожидания американской молодежи. У нас ощущается недостаток в людях, которые могли бы своими героизмом пленять воображение молодежи».

Вряд ли купавинские комсомолки хоть на миг задумались: героичен ли их подвиг? Такие думы совершенно не свойственны нашим девушкам. Одно бесспорно: они пленили воображение советской молодежи, ибо из Ивановы, из Орехово-Зуева, из Шуи летят телеграммы — десятки стахановских бригад в разных концах страны берут новые обязательства по экономии сырья.

Сейчас, майскими вечерами, когда тишина Купавны густо насыщена запахом цветущих яблонь, Маша Рожнева и Лидия Кононенко склонились над учебниками. Они усердно готовятся к поступлению в текстильный техникум.

Светлый путь открыт перед ними. Для этого пути, они никогда не забудут свою трудовую юность, свою прекрасную весну тысяча девятьсот сорок девятого года.

После установления советской власти в Грузии творчество Ш. Дадияни получило особенно широкий размах. Его пьеса «Два некр...» (1937 г.) — первое в советской драматургии произведение, рисующее образ товарища Сталина в молодости. Действие происходит в Грузии в 1901—1905 гг. Автор дал широкую картину зарождения и роста революционной борьбы грузинского рабочего класса под руководством И. В. Сталина, показал огромный размах революционной деятельности молодого вождя, его тесную связь с рабочими.

Сотрапником товарища Сталина А. Пулукидзе и Л. Кепхелиши посвятил Дадияни пьесу «Идея победит!» и либретто оперы «Лаво Копхелева», написанные в 1940 г.

В годы Отечественной войны Дадияни трудился о поэтике молодой энергии: он писал пьесы, рассказы и статьи на актуальные военно-политические темы, часто выступал в воинских частях, на заводах, в колхозах.

Опубликовал два исторических романа — «Георгий Русский» (о Грузии XII века и ее связей с Русью) и «Полити» (о крестьянском восстании в Мелгретле в 1857 году). Дадияни работает теперь над третьим романом — «Менджи-Робу». Произведение задумано как широкая картина жизни Грузии с начала XX века до наших дней, как изображение о великом и перенесенном самим автором. Менджи-Робу — местность, некогда пустынная, в годы советской власти преобразилась в цветущий край.

Творчество Дадияни глубоко проникнуто идейностью. Превосходное знание жизни сказалось и в широких картинах эпохи, которые дал писатель, и в глубинах и правдивых образах героев, и в языке, раскрывающем богатство и выразительность грузинского речи.

Шава Дадияни — выдающийся деятель советской культуры. Хочется пожелать, чтобы наши издательства и театры шире знакомили читателей и зрителей с произведениями этого замечательного грузинского писателя.

А. ФЕВРАЛЬСКИЙ

ОКРЫЛЯЮЩИЕ ДНИ

Сабит МУКАНОВ

Заключилась декада казахской литературы в Москве. Дни декады в творческой жизни писателей Казахстана стали большим событием.

Нам хотелось возможно более широко представить наши творческие достижения, подвергнуть обсуждению все значительные произведения, глубже узнать для себя наши недостатки.

Казахская проза, поэзия и драматургия находятся на новом подъеме. Исключительную роль сыграли в этом исторические решения ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам, а также указания ЦК КП(б) Казахстана и его непосредственная забота о творчестве казахских писателей.

Двенадцать выступлений провели мы в Москве — двенадцать незабываемых встреч со ставленниками и инженерами крупнейших заводов столицы, с учеными, студентами молодежи, с офицерами и воинами Советской Армии, с руководителями советскими и партийными работниками.

Переоценены залы аудиторий, чуткое внимание слушателей, невыразимо теплый прием встречали нас везде и всюду. С огромным воодушевлением выступали все мы — прозаики, поэты, агиты, ощущая, как дружелюбно, горячо, искренне отзывались слушатели на все лучшие строки стихов, песен! Мы ощущали дыхание большой братской дружбы, радость за наши успехи, глубокую, пристрастную заинтересованность в творчестве каждого из нас.

Но эти встречи были для нас не только праздником, а и проверкой, испытанием. Мы отчитывались перед самими квалифицированными и требовательными читателями — москвичами.

Счастливым было сознавать, что лучшее из созданного нами отвечает их запросам, интересам и близко им. Москвичи не только оценили то, что уже создано, но и высказывали пытливые заботы о нашем будущем.

В вопросах, в привет-

ствии. На обсуждение было представлено несколько новых пьес казахских драматургов А. Абашева, М. Пияванова, Н. Баймухамедова, Ш. Хусайнова и других.

Наши московские друзья единодушно отметили, что казахские писатели решительно обратились к разработке актуальных тем современности.

В эти дни мы держали отчет не только перед читателями, но и перед московскими собратьями по перу. В творческих секциях Союза писателей проходило как бы лабораторное обсуждение нашей работы. На специальных совещаниях в продолжение двух и трех дней разрабатывались произведения казахской прозы, поэзии и драматургии.

Радостно было еще раз убедиться в том, что наши московские друзья чутко следят за развитием казахской литературы; они систематически читают появляющиеся на русском языке произведения наших писателей, более того, — они хорошо осведомлены и о тех вещах, которые еще не успели выйти в русский перевод.

Внимание всех привлекало прежде всего вопросы развития нашей поэзии. Этот жанр, появившийся в казахской литературе лишь в советские годы, за короткое время стал в ней ведущим жанром.

Участники обсуждения о искренней радости отмечали, что казахским писателям удалось создать такие крупные произведения, как широко известный исторический роман М. Ауэзова «Абай», как роман Г. Мустафина о тружениках колхозов — «Милловвер», повесть Г. Мусрепова «Солдат из Казахстана» — о героических годах Великой Отечественной войны, и другие.

Казахские поэты также написали немало стихов, которые в идейном и художественном отношении стоят на уровне лучших произведений международной советской литературы.

Внимание всех привлекало прежде всего вопросы развития нашей поэзии. Этот жанр, появившийся в казахской литературе лишь в советские годы, за короткое время стал в ней ведущим жанром.

Участники обсуждения о искренней радости отмечали, что казахским писателям удалось создать такие крупные произведения, как широко известный исторический роман М. Ауэзова «Абай».

Казахские поэты также написали немало стихов, которые в идейном и художественном отношении стоят на уровне лучших произведений международной советской литературы.

Внимание всех привлекало прежде всего вопросы развития нашей поэзии. Этот жанр, появившийся в казахской литературе лишь в советские годы, за короткое время стал в ней ведущим жанром.

Участники обсуждения о искренней радости отмечали, что казахским писателям удалось создать такие крупные произведения, как широко известный исторический роман М. Ауэзова «Абай».

Казахские поэты также написали немало стихов, которые в идейном и художественном отношении стоят на уровне лучших произведений международной советской литературы.

Внимание всех привлекало прежде всего вопросы развития нашей поэзии. Этот жанр, появившийся в казахской литературе лишь в советские годы, за короткое время стал в ней ведущим жанром.

Участники обсуждения о искренней радости отмечали, что казахским писателям удалось создать такие крупные произведения, как широко известный исторический роман М. Ауэзова «Абай».

Казахские поэты также написали немало стихов, которые в идейном и художественном отношении стоят на уровне лучших произведений международной советской литературы.

Внимание всех привлекало прежде всего вопросы развития нашей поэзии. Этот жанр, появившийся в казахской литературе лишь в советские годы, за короткое время стал в ней ведущим жанром.

Участники обсуждения о искренней радости отмечали, что казахским писателям удалось создать такие крупные произведения, как широко известный исторический роман М. Ауэзова «Абай».

Казахские поэты также написали немало стихов, которые в идейном и художественном отношении стоят на уровне лучших произведений международной советской литературы.

Внимание всех привлекало прежде всего вопросы развития нашей поэзии. Этот жанр, появившийся в казахской литературе лишь в советские годы, за короткое время стал в ней ведущим жанром.

Участники обсуждения о искренней радости отмечали, что казахским писателям удалось создать такие крупные произведения, как широко известный исторический роман М. Ауэзова «Абай».

Казахские поэты также написали немало стихов, которые в идейном и художественном отношении стоят на уровне лучших произведений международной советской литературы.

Внимание всех привлекало прежде всего вопросы развития нашей поэзии. Этот жанр, появившийся в казахской литературе лишь в советские годы, за короткое время стал в ней ведущим жанром.

Участники обсуждения о искренней радости отмечали, что казахским писателям удалось создать такие крупные произведения, как широко известный исторический роман М. Ауэзова «Абай».

Казахские поэты также написали немало стихов, которые в идейном и художественном отношении стоят на уровне лучших произведений международной советской литературы.

Революционеры-демократы о Пушкине

Проф. Н. БЕЛЬЧИКОВ

Глубокое, всестороннее научное изучение творчества А. С. Пушкина стало возможным лишь в годы советской власти.

Белинский видел в Пушкине воплощение огромных сил и неиссякаемого таланта народа. В 1840 г. он писал: «Да, мы уже имеем поэзию, которую смело можем соперничать с поэзией всех народов Европы...»

Белинский отстаивал мысль о неотделимости русского искусства от судьбы народа, о полнейшей самостоятельности и своеобразии русской литературы.

Для Белинского Пушкин — поэт русской действительности. Его главное произведение «Евгений Онегин» — энциклопедия русской жизни, в высшей степени народное произведение.

Белинский показал великое значение Пушкина в исторической борьбе народа за создание своей национальной культуры.

Белинский связывал все творчество Пушкина с пробуждением национального сознания народа в годы Отечественной войны 1812 года и движения декабристов.

Белинский связывал все творчество Пушкина с пробуждением национального сознания народа в годы Отечественной войны 1812 года и движения декабристов.

Белинский связывал все творчество Пушкина с пробуждением национального сознания народа в годы Отечественной войны 1812 года и движения декабристов.

его проведением широкие народные массы пробуждались к культуре и литературе. «Заченье Пушкина неизмеримо велико, — писал критик. — Через него раздалось литературное образование на десятки тысяч людей, между тем как до литературных интересов занимались немногие».

В 60-е годы усилилась деятельность представителей чистого искусства, которые пытались сделать Пушкина своим знаменем.

Высоко ценил Добролюбов народность Пушкина, который, по его словам, умел постигнуть истинные потребности и истинный характер народного быта.

В замечке для рукописной студенческой газеты «Слухи» студент Добролюбов, ссылаясь на замечание и запрещение писателя, говорил о свободомыслии поэта, намекая на его близость к декабристам.

В противоположность дворянским эстетам, твердым об оторванности поэта от реальной действительности, Добролюбов отмечал реалистический характер пушкинской поэзии.

Они называли Пушкина классиком литературы, творения которого будут жить в веках. «Пушкина давно уже все признали великим, неопорным великим писателем, — писал Чернышевский в «Обчерках годового периода русской литературы».

Великие революционеры-демократы Белинский, Чернышевский, Добролюбов высоко оценили значение Пушкина для русской литературы.

Великие революционеры-демократы Чернышевский и Добролюбов в своих статьях не раз обращались к неутирающей пушкинской поэзии.

Великие революционеры-демократы Чернышевский и Добролюбов в своих статьях не раз обращались к неутирающей пушкинской поэзии.

«Прощай, свободная стихия» (А. С. Пушкин). Картина И. АВАЗОВСКОГО и И. РЕШИНА

Дихан АБИЛЕВ

Золотые колосья клоня, Рожь вставала стеной на пути, Наткнула я повадку жита И заставил потные коня.

Мустафа, мой товарищ, слегка Скал один из колосьев рукой, И как будто струя молока, Брызнула сразу поток золотой.

Не морской ли простор поглотил Мустафу? Что за волны вокруг? И по морю хлебов я поплываю, Охлайка его: «Где ж ты, друг?»

Перевел с казахского В. БУГАЕВСКИЙ

ЗОЛОТОЙ ПОТОК

«Завтра утром сойдемся мы тут, Поплывем по морям золотым, И в колхозный амбар потечет Эти волны огком сплывшим».

Не спеша к нам пол'хал старик, Стороживший колхозную рожь: «Столько золота я не приемы Видеть прежде... Его не сочтешь!»

Так ведя разговор меж собой, На тропе средь колосьев втроем Мы стояли вечерней порой.

Степь, как море, шумела кругом

Сырбай МАУЛЕНОВ

НОЧНАЯ ПЕСНЯ

Черный бархат окутает землю сна, Степь умолкнет, бесшумно покинёт траву, — Опершись на пастушью посох, чабан Заложит свою песню... Чу, лютая звезда: «Неприметен мой труд... Травы... Степь без следа,

Но какие взрастил я народу стада! И народ уваженьем отметил мой труд: На траву у меня «Золотая Звезда»... Этой песне внимает родная страна — Кольбель наших подвигов гордых она, Но от слов этой песни — чудесных, — Зарубежные волки лишаются сна!

Перевел с казахского Д. СНЕГИН

ТОРЖЕСТВО ВДОХНОВЕННОГО ТРУДА

Академик Павлашев постоянно носит с собой выразительные выписки из трудов американского экономиста, «рационализатора производства» Тайлора, Тайлор писал: «Существует работа для каждого типа рабочего, совершенно так же, как есть работа для лемных и для легковых лошадей...»

Павлашев скоро убеждает в том, что «случайная догадка» Мещерякова несет в себе богатые возможности выходящих преобразований в процессе домашнего лая.

Павлашев скоро убеждает в том, что «случайная догадка» Мещерякова несет в себе богатые возможности выходящих преобразований в процессе домашнего лая.

Павлашев скоро убеждает в том, что «случайная догадка» Мещерякова несет в себе богатые возможности выходящих преобразований в процессе домашнего лая.

Павлашев скоро убеждает в том, что «случайная догадка» Мещерякова несет в себе богатые возможности выходящих преобразований в процессе домашнего лая.

Павлашев скоро убеждает в том, что «случайная догадка» Мещерякова несет в себе богатые возможности выходящих преобразований в процессе домашнего лая.

Павлашев скоро убеждает в том, что «случайная догадка» Мещерякова несет в себе богатые возможности выходящих преобразований в процессе домашнего лая.

Павлашев скоро убеждает в том, что «случайная догадка» Мещерякова несет в себе богатые возможности выходящих преобразований в процессе домашнего лая.

Павлашев скоро убеждает в том, что «случайная догадка» Мещерякова несет в себе богатые возможности выходящих преобразований в процессе домашнего лая.

Павлашев скоро убеждает в том, что «случайная догадка» Мещерякова несет в себе богатые возможности выходящих преобразований в процессе домашнего лая.

Павлашев скоро убеждает в том, что «случайная догадка» Мещерякова несет в себе богатые возможности выходящих преобразований в процессе домашнего лая.

Павлашев скоро убеждает в том, что «случайная догадка» Мещерякова несет в себе богатые возможности выходящих преобразований в процессе домашнего лая.

Павлашев скоро убеждает в том, что «случайная догадка» Мещерякова несет в себе богатые возможности выходящих преобразований в процессе домашнего лая.

Павлашев скоро убеждает в том, что «случайная догадка» Мещерякова несет в себе богатые возможности выходящих преобразований в процессе домашнего лая.

Павлашев скоро убеждает в том, что «случайная догадка» Мещерякова несет в себе богатые возможности выходящих преобразований в процессе домашнего лая.

Павлашев скоро убеждает в том, что «случайная догадка» Мещерякова несет в себе богатые возможности выходящих преобразований в процессе домашнего лая.

Павлашев скоро убеждает в том, что «случайная догадка» Мещерякова несет в себе богатые возможности выходящих преобразований в процессе домашнего лая.

Павлашев скоро убеждает в том, что «случайная догадка» Мещерякова несет в себе богатые возможности выходящих преобразований в процессе домашнего лая.

ГЕНИИ ФРАНЦУЗСКОГО НАРОДА

Судебная агрессия

Вс. ИВАНОВ

ны, несмотря на все испытания и неудачи. Два трети «Человеческой комедии» созданы в поразительно короткий срок. Работая по 14—16 часов в сутки, он переписывал свои романы по несколько раз, а затем, не довольствуясь этим, вносил в корректуру многочисленные исправления. Какая уж тут работа для денег! Это истинное и вдохновенное творчество для народа, для потомства.

Критика буржуазного общества насыщает все романы «Человеческой комедии». В ней — сила и пафос этих романов. Биржевые олигархи и деревенские ростовщики, провинциальные кушеры и их стилистые собраты, украшенные кулебяками гербами, авантюристы, нарушающие законы, и авантюристы, подкупающие его, гнусные скряги и не менее гнусные расточители окружают нас со всех сторон, когда мы входим в мир «Человеческой комедии». Бальзак раскрывает перед нами паразитарную, хищническую сущность всех этих людей, показывая, что не производство материальных ценностей, а спекуляция ростовщиков, афера являются типичнейшими методами капиталистического обогащения, что все эти люди ничего не создают, — только захватывают и накапывают. Буржуазный мир, изображенный Бальзаком, — это страшные джунгли, где люди, как хищные звери, перерезают глотки друг другу.

В этой воцарившейся гниле перестает быть человеком. Типографик Сешар грабит родного сына, а дочери старика Горно — родного отца. Брак превращен в коммерческую сделку. Бальзак срывает живую маску с буржуазной прессы, с буржуазной законности. Вотрен в романе «Отец Горно» говорит о том, что уголовный суд годен лишь на то, чтобы «слать на веревку зашпатель богатей», посылать на гильотину благородных людей, что судьи заботятся только о том, чтобы «богатые спали спокойно». В романе «Утраченные иллюзии» Клод Вильон говорит, что «главное дело превратилось в промысел и, как все промыслы, не знает ни стыда, ни совести». И, действительно, как бы в подтверждение этих слов, почти на всем протяжении романа раскрывается возмущающая картина газетных сплетен и интриг, имеющих целью оплевать все красивое и передовое, раздвать грязным сапогом клеветы все свежее литературные победы.

Словом все «Человеческую комедию» пронизывает тема враждебности буржуазного мира к искусству, тема трагической гибели таланта в мире чистогана. В отголосок к успеху и деньгам поэт Люсьен Шарюк теряет совесть, а вместе с ней и талант. Картины Пьера Грасу обогащают не художника, который их создает, а спекулянта, который их продает.

Лома традиция буржуазного романа с нравочувственным концом, где порок обязательно карается, а добродетель увенчивается, Бальзак в повести «Прощенный Мельмот» пишет: «Поразительная причуда! Общество жалуется добродетели на старость сотню лупуров ренты, третий этаж, хлеб в умеренном количестве, несколько поношенных галстуков: да молодую жену, сопровождаемую ребятами. А пороку, если у него хватает смекалки, если он умеет ловко повернуть в свою пользу, общество прощает украденные миллионы, общество его осматривает лентами, начиняет почестями и заваливает знаками уважения».

От художника-реалиста, каким был Бальзак, требуется огромное напряжение в работе, острый взгляд и непереносимые наблюдения. Два тысячи типов, созданных Бальзаком, были как бы два тысячи живых людей, с их сложными потребностями, страстями, с их смутно или ясно выраженными идеями. Это была не сказка, не «тысяча и одна ночь», а сама действительность, которая не хочет и не может повторяться, которая всегда разнообразна, которой упорядочить можно лишь тогда, когда ты всецело и неуставно наблюдаешь за ней, слышишь живьем ее реальными и жизненно-необходимыми интересами, живешь, вбираясь идеалами подлинного искусства! Бальзак любил свой народ, он любил и свое искусство. С удивительной яркостью и вышукостью он передавал свою ненависть к богачам и аристократам, тем самым выражая ярость и ненависть народа.

Бальзак сам охарактеризовал народ как «слепой пота и волн, труда и терпения», подчеркивая, что «благородный тип встречается только в народе». Об этой стороне творчества Бальзака говорит Энгельс: «Единственные люди, о которых он всегда говорит с нескрываемым восхищением, это его самые ярые противники, республиканцы — герои улицы Cloitre Saint Merg, люди, которые в то время (1830—1836) действительно были представителями народных масс. Я считаю одной из величайших побед реализма, одной из наиболее ценных черт старика Бальзака то, что он принужден был идти против своих собственных классовых симпатий и политических предрассудков, то, что он видел неизбежность падения своих излюбленных аристократов и описывал их как людей, не заслуживающих лучшей участи, и то, что он видел настоящих людей будущего там, где их единственно и можно было найти».

Вот этой любовью к народу и искусству, любовью к правде, ненавистью к богачам и близок Бальзак нашему современному читателю.

В 1911 году гениальный А. М. Горький с поразительной точностью и с еще большей прозрачностью писал о Бальзаке: «Человеческая комедия» была прочитана мною уже лет в двадцать, эта книга нанесла ослепительный удар моему неформальному романтизму, и я почувствовал в ней гений Бальзака и любил его горячей любовью, как, вероятно, любил учителя и друга.

Двумя-тремя годами позднее в России явился перевод полного собрания сочинений Бальзака, я дважды прочитал все его книги и тут понял всю величину этого писателя, эпического размер его таланта и умения и пелена мысли. Широко его плаванье, смелость мысли, правда слова... делают его одним из величайших учителей мира».

Многое, разумеется, изменилось в мире со времен Бальзака. Уже давно банкиры занимают преимущественно войнами; они стали империалистами в полном смысле этого слова. Во времена Бальзака преступник Вотрен выдал себя за католического патера, дипломатического уполномоченного Испании. В наши времена Вотрен спит на вельветовом троне, управляя Испанией под именем Франко. А в самой Франции наследники Вотрена занимают высокие посты в министерствах, торгуют страши, явившаяся на ее несчастья. Эти страши выросли в таких хитростях, жадности которых удивился бы и Бальзак, хорошо знавший нравы преступников! И теперь французские банкиры, потяжка тех, кого клеймил Бальзак, проляют оптом и в розницу свою родину, свою действительно прекрасную Францию!

Бальзак много предвидел в будущем и многое ненавидел в настоящем. Он был отяжел и необыкновенно трудолюбив, как истинный француз. Он и сейчас помогает передовой Франции бороться против оков капитализма, оков банкиров, жадности, преступников, еще стоящих — вопреки воле народа — у власти.

С признательностью и уважением мы празднуем юбилей Бальзака. Его гений помогает тем, кто ведет борьбу за истину, за переустройство общества на справедливых началах.

Вас. ЗАХАРЧЕНКО, Викт. БОЛХОВИТИНОВ

За рекламной шумихой

В капиталистической Америке можно продать и купить форварда модной футбольной команды, бронированный автомобиль для гангстерского хозяйства, живописное человеческое ухо для пересылки, журнал вместе со всей редакцией, место в сенате, продать собственные и купить чужие убеждения.

Для тех, кто законы коммерции считает законами жизни, реклама, естественно, является «важнейшей движущей силой». Немудрено, что с особым неистовством рекламируется так называемый «американский образ жизни».

Заглянем в пухлые разделы объявлений, занимающие в американских журналах иногда больше половины их объема. Это территория коммерческой рекламы, витрина бизнеса.

Разумеется, всякого рода упоминания об имеющейся в США безработице и нищенском существовании миллионов трудящихся доступ на страницы американских журналов страшнее запрещен. И все-таки взор невольно падает на такое объявление:

«Хотите получить работу? Наша психологическая система ускорит ваше продвижение с помощью необычайной стратегии. Цена один доллар», — обращается к читателю какая-то фирма. Рядом с ней другие бизнесмены также всего за один доллар предлагают всем желающим справочник «Карьерный миллионер», на 112 страницах которого описаны 1269 способов «найти средства к существованию»!

Объявления явно мошеннические, но пооявление их более чем симптоматично. Они порождены действительностью, спросом: кто же из миллионов людей, не имеющих работы, удержится от того, чтобы не

поддаться соблазну и не ухватиться за любой из «1269 способов», лишь бы обеспечить себе ежедневное пропитание? Так даже объявления предпринимателей бизнесменов приобретают совершенно иное звучание и нежданным образом документируют, иллюстрируют современный политический строй в США.

Всякого рода совет о том, как найти обеспеченный заработок, очень много. И все они говорят лишь об одном: о великом множестве людей в Америке, которые не располагают должным минимумом. Вот объявление, предлагающее за 25 центов «среднюю книгу», в которой точно рассказано, «как заработать на существование», «как заработать на существование». Вот другое, в котором «фирма» обязуется популярно рассказать, каким путем можно добиться власти над жеманью.

Перед нами не только обыкновенное полевое коммерческое шарлатанство. Во всей этой рекламе рожком от отражения, как в зеркале, крайне тяжелое положение широких масс американского народа, о котором прекрасно осведомлены и на чем, собственно, и спекулируют фирмы, выступающие в качестве приманки щедрые посулы и великодушные обещания.

«Будь фокусником! Заваню и выгодно. Обширный каталог магических приборов за 25 центов», — предлагают ония. «Легкий заработок: курс практического чтения мыслей и гипнотизма за один доллар», — шлет другие. «Карьеристы» — путь к успеху. Рей Бернс научит вас делать карикатуры, которые вы сможете продавать», — заявляют третьи.

Только в стране, где даже имеющий работу человек может экономичнее ее потерять и потому с тревогой глядит в будущее, — только в такой стране мыслями

этом назывательский разгул рекламы, спекулирующей на полной неустойчивости миллионов в их завтрашнем дне.

Далеко не все объявление, однако, носят столь «ментальный», «фантастический» характер. Некоторые из них отличаются значительно большей конкретностью, «приземленностью»; их назначение состоит в том, чтобы либо приобрести простого американца к преступному миру, либо попросту сделать его полнейшим шпионом. И того и другого в условиях современной Америки, разумеется, добьются много проще, чем «разбогатеть» или стать «собственным боссом».

Молодой атлет в тигровых трусиках настоятельно советует выписать руководство «Как стать человеком совершеннейшего вида». «Нравится ли вам сидеть в углу, когда другим достаются самые красивые девушки и самая лучшая работа?» — вопрошает он. И обещает каждому, кто приобретет «руководство», «стабильные бизнесы».

Были бы бизнесы, а как их применять, — это уже подсказывает другая рекламируемая книга: «Справочник». Акционерные компании и банки. Цена ония доллар. На кого рассчитан этот весьма необычный справочник? Чью любознательность он должен удовлетворить? Человеку какой профессии необходимо знать все подробности о директорах банков? Этот «собственный труд» откровенно составлен для уголовных преступников, деятельность которых достигла в Америке размеров общественного бедствия. Наука справочник и действу. — вот на что намекает это объявление...

На худой конец можно стать не банкиром, а всего лишь шулером. За десять центов предлагается: «Поразительный карточный раз-Ланда. Находит любую карту в колоде! Беспорочный покер!»

Таковы репутации «успешных» людей жизни, рекомендуемые сейчас в «продвинутой» Америке.

Парижский конгресс сторонников мира нанес тяжелый удар пропаганде новой войны. Он открыл надежды миллионам простых людей и послал смутные в ряды поджигателей войны. Встрепанные могучим движением в защиту мира, провозгласившие торжество наветрять потерянность. Они лихо радостно обновляют «своей репертуар» созданием новых сенсаций и постановкой новых дел, призванных сеять вражду между народами, жажущими мира.

Одной из последних постановок этого типа является так называемое «дело Губичева».

Исходным моментом «дела Губичева» является 4 марта 1949 года. Именно в этот день хорошо оснащенный отряд бывших американских шпионов и полицменов одержал блистательную победу над проходившим по улицам Нью-Йорка молодым человеком. «Неприятель» был окружен с фланга, тыла и флангов, вынужден к капитуляции и направлен в американскую тюрьму. Офира на арест при этом предъявлено не было. Этот триумф американского полицейского произвола, быть может, прошел бы не слишком заметно для знакомого с полицейской дубинкой многомиллионного города, если бы не одно весьма существенное обстоятельство.

На улицах Нью-Йорка был схвачен и арестован советский дипломат — сотрудник Организации Объединенных Наций в дипломатическом ранге третьего секретаря Валентин Алексеевич Губичев. Этот факт бесспорно придает налету нью-йоркской полиции значение явного и циничного посягательства на основную принцип международного сотрудничества — на дипломатическую неприкосновенность, дипломатический иммунитет.

Гражданин советской страны В. А. Губичев приехал в Нью-Йорк по дипломатическому паспорту, выданному американским посольством в Москве 24 июня 1946 года. В этом официальном документе было с исчерпывающей ясностью советскими властями указано и американскими органами засвидетельствовано, что Губичев является сотрудником Организации Объединенных Наций и имеет дипломатический ранг третьего секретаря. Не вызвало и не могло вызывать сомнений, что такое положение должно было вполне обеспечить личную неприкосновенность Губичева как лица, имеющего дипломатический ранг и паспорт, засвидетельствованные компетентными органами СССР и США. По общепринятому порядку и по американским законам, дипломатический персонал пользуется дипломатическим иммунитетом. На этом основании Губичев решительно возражал на суде против обвинения в нарушении уголовного закона и судебного беззакония. Выслушав возражения Губичева, нью-йоркский судья, как полагают приличные судьи, сначала того размышлял, а затем после тяжелых мыслев ролил следующее решение: Губичеву в праве на дипломатический иммунитет отказано.

Представляет несомненный интерес вопрос правосудия удалось отвергнуть дипломатический иммунитет Губичева — вопреки бесспорным фактам и документам. Обращаемся к вероиспытанному.

Решение нью-йоркского судьи, содержащее отказ в признании за Губичевым права на иммунитет, пространно и витиевато. В нем есть многочисленные ссылки на судебные прецеденты и научные авторитеты. Оно, как старомодная диссертация, полно споров и примечаний. Но в этом ворохе слов и чужих слов, содержащихся в судебном решении, можно разглядеть лишь весьма слабые следы того, что принято называть юридической аргументацией.

Впрочем, для нью-йоркского судьи и нет нужды в юридической аргументации. Это не юридическая аргументация, а юридическая бутафория.

Действительно, вслед за историческими

Парижский конгресс сторонников мира нанес тяжелый удар пропаганде новой войны. Он открыл надежды миллионам простых людей и послал смутные в ряды поджигателей войны. Встрепанные могучим движением в защиту мира, провозгласившие торжество наветрять потерянность. Они лихо радостно обновляют «своей репертуар» созданием новых сенсаций и постановкой новых дел, призванных сеять вражду между народами, жажущими мира.

Одной из последних постановок этого типа является так называемое «дело Губичева».

Исходным моментом «дела Губичева» является 4 марта 1949 года. Именно в этот день хорошо оснащенный отряд бывших американских шпионов и полицменов одержал блистательную победу над проходившим по улицам Нью-Йорка молодым человеком. «Неприятель» был окружен с фланга, тыла и флангов, вынужден к капитуляции и направлен в американскую тюрьму. Офира на арест при этом предъявлено не было. Этот триумф американского полицейского произвола, быть может, прошел бы не слишком заметно для знакомого с полицейской дубинкой многомиллионного города, если бы не одно весьма существенное обстоятельство.

На улицах Нью-Йорка был схвачен и арестован советский дипломат — сотрудник Организации Объединенных Наций в дипломатическом ранге третьего секретаря Валентин Алексеевич Губичев. Этот факт бесспорно придает налету нью-йоркской полиции значение явного и циничного посягательства на основную принцип международного сотрудничества — на дипломатическую неприкосновенность, дипломатический иммунитет.

Гражданин советской страны В. А. Губичев приехал в Нью-Йорк по дипломатическому паспорту, выданному американским посольством в Москве 24 июня 1946 года. В этом официальном документе было с исчерпывающей ясностью советскими властями указано и американскими органами засвидетельствовано, что Губичев является сотрудником Организации Объединенных Наций и имеет дипломатический ранг третьего секретаря. Не вызвало и не могло вызывать сомнений, что такое положение должно было вполне обеспечить личную неприкосновенность Губичева как лица, имеющего дипломатический ранг и паспорт, засвидетельствованные компетентными органами СССР и США. По общепринятому порядку и по американским законам, дипломатический персонал пользуется дипломатическим иммунитетом. На этом основании Губичев решительно возражал на суде против обвинения в нарушении уголовного закона и судебного беззакония. Выслушав возражения Губичева, нью-йоркский судья, как полагают приличные судьи, сначала того размышлял, а затем после тяжелых мыслев ролил следующее решение: Губичеву в праве на дипломатический иммунитет отказано.

Представляет несомненный интерес вопрос правосудия удалось отвергнуть дипломатический иммунитет Губичева — вопреки бесспорным фактам и документам. Обращаемся к вероиспытанному.

Решение нью-йоркского судьи, содержащее отказ в признании за Губичевым права на иммунитет, пространно и витиевато. В нем есть многочисленные ссылки на судебные прецеденты и научные авторитеты. Оно, как старомодная диссертация, полно споров и примечаний. Но в этом ворохе слов и чужих слов, содержащихся в судебном решении, можно разглядеть лишь весьма слабые следы того, что принято называть юридической аргументацией.

Впрочем, для нью-йоркского судьи и нет нужды в юридической аргументации. Это не юридическая аргументация, а юридическая бутафория.

Действительно, вслед за историческими

Парижский конгресс сторонников мира нанес тяжелый удар пропаганде новой войны. Он открыл надежды миллионам простых людей и послал смутные в ряды поджигателей войны. Встрепанные могучим движением в защиту мира, провозгласившие торжество наветрять потерянность. Они лихо радостно обновляют «своей репертуар» созданием новых сенсаций и постановкой новых дел, призванных сеять вражду между народами, жажущими мира.

Одной из последних постановок этого типа является так называемое «дело Губичева».

Исходным моментом «дела Губичева» является 4 марта 1949 года. Именно в этот день хорошо оснащенный отряд бывших американских шпионов и полицменов одержал блистательную победу над проходившим по улицам Нью-Йорка молодым человеком. «Неприятель» был окружен с фланга, тыла и флангов, вынужден к капитуляции и направлен в американскую тюрьму. Офира на арест при этом предъявлено не было. Этот триумф американского полицейского произвола, быть может, прошел бы не слишком заметно для знакомого с полицейской дубинкой многомиллионного города, если бы не одно весьма существенное обстоятельство.

На улицах Нью-Йорка был схвачен и арестован советский дипломат — сотрудник Организации Объединенных Наций в дипломатическом ранге третьего секретаря Валентин Алексеевич Губичев. Этот факт бесспорно придает налету нью-йоркской полиции значение явного и циничного посягательства на основную принцип международного сотрудничества — на дипломатическую неприкосновенность, дипломатический иммунитет.

Гражданин советской страны В. А. Губичев приехал в Нью-Йорк по дипломатическому паспорту, выданному американским посольством в Москве 24 июня 1946 года. В этом официальном документе было с исчерпывающей ясностью советскими властями указано и американскими органами засвидетельствовано, что Губичев является сотрудником Организации Объединенных Наций и имеет дипломатический ранг третьего секретаря. Не вызвало и не могло вызывать сомнений, что такое положение должно было вполне обеспечить личную неприкосновенность Губичева как лица, имеющего дипломатический ранг и паспорт, засвидетельствованные компетентными органами СССР и США. По общепринятому порядку и по американским законам, дипломатический персонал пользуется дипломатическим иммунитетом. На этом основании Губичев решительно возражал на суде против обвинения в нарушении уголовного закона и судебного беззакония. Выслушав возражения Губичева, нью-йоркский судья, как полагают приличные судьи, сначала того размышлял, а затем после тяжелых мыслев ролил следующее решение: Губичеву в праве на дипломатический иммунитет отказано.

Представляет несомненный интерес вопрос правосудия удалось отвергнуть дипломатический иммунитет Губичева — вопреки бесспорным фактам и документам. Обращаемся к вероиспытанному.

Решение нью-йоркского судьи, содержащее отказ в признании за Губичевым права на иммунитет, пространно и витиевато. В нем есть многочисленные ссылки на судебные прецеденты и научные авторитеты. Оно, как старомодная диссертация, полно споров и примечаний. Но в этом ворохе слов и чужих слов, содержащихся в судебном решении, можно разглядеть лишь весьма слабые следы того, что принято называть юридической аргументацией.

Впрочем, для нью-йоркского судьи и нет нужды в юридической аргументации. Это не юридическая аргументация, а юридическая бутафория.

Действительно, вслед за историческими

Парижский конгресс сторонников мира нанес тяжелый удар пропаганде новой войны. Он открыл надежды миллионам простых людей и послал смутные в ряды поджигателей войны. Встрепанные могучим движением в защиту мира, провозгласившие торжество наветрять потерянность. Они лихо радостно обновляют «своей репертуар» созданием новых сенсаций и постановкой новых дел, призванных сеять вражду между народами, жажущими мира.

Одной из последних постановок этого типа является так называемое «дело Губичева».

Исходным моментом «дела Губичева» является 4 марта 1949 года. Именно в этот день хорошо оснащенный отряд бывших американских шпионов и полицменов одержал блистательную победу над проходившим по улицам Нью-Йорка молодым человеком. «Неприятель» был окружен с фланга, тыла и флангов, вынужден к капитуляции и направлен в американскую тюрьму. Офира на арест при этом предъявлено не было. Этот триумф американского полицейского произвола, быть может, прошел бы не слишком заметно для знакомого с полицейской дубинкой многомиллионного города, если бы не одно весьма существенное обстоятельство.

На улицах Нью-Йорка был схвачен и арестован советский дипломат — сотрудник Организации Объединенных Наций в дипломатическом ранге третьего секретаря Валентин Алексеевич Губичев. Этот факт бесспорно придает налету нью-йоркской полиции значение явного и циничного посягательства на основную принцип международного сотрудничества — на дипломатическую неприкосновенность, дипломатический иммунитет.

Гражданин советской страны В. А. Губичев приехал в Нью-Йорк по дипломатическому паспорту, выданному американским посольством в Москве 24 июня 1946 года. В этом официальном документе было с исчерпывающей ясностью советскими властями указано и американскими органами засвидетельствовано, что Губичев является сотрудником Организации Объединенных Наций и имеет дипломатический ранг третьего секретаря. Не вызвало и не могло вызывать сомнений, что такое положение должно было вполне обеспечить личную неприкосновенность Губичева как лица, имеющего дипломатический ранг и паспорт, засвидетельствованные компетентными органами СССР и США. По общепринятому порядку и по американским законам, дипломатический персонал пользуется дипломатическим иммунитетом. На этом основании Губичев решительно возражал на суде против обвинения в нарушении уголовного закона и судебного беззакония. Выслушав возражения Губичева, нью-йоркский судья, как полагают приличные судьи, сначала того размышлял, а затем после тяжелых мыслев ролил следующее решение: Губичеву в праве на дипломатический иммунитет отказано.

Представляет несомненный интерес вопрос правосудия удалось отвергнуть дипломатический иммунитет Губичева — вопреки бесспорным фактам и документам. Обращаемся к вероиспытанному.

Решение нью-йоркского судьи, содержащее отказ в признании за Губичевым права на иммунитет, пространно и витиевато. В нем есть многочисленные ссылки на судебные прецеденты и научные авторитеты. Оно, как старомодная диссертация, полно споров и примечаний. Но в этом ворохе слов и чужих слов, содержащихся в судебном решении, можно разглядеть лишь весьма слабые следы того, что принято называть юридической аргументацией.

Впрочем, для нью-йоркского судьи и нет нужды в юридической аргументации. Это не юридическая аргументация, а юридическая бутафория.

Действительно, вслед за историческими

Парижский конгресс сторонников мира нанес тяжелый удар пропаганде новой войны. Он открыл надежды миллионам простых людей и послал смутные в ряды поджигателей войны. Встрепанные могучим движением в защиту мира, провозгласившие торжество наветрять потерянность. Они лихо радостно обновляют «своей репертуар» созданием новых сенсаций и постановкой новых дел, призванных сеять вражду между народами, жажущими мира.

Одной из последних постановок этого типа является так называемое «дело Губичева».

Исходным моментом «дела Губичева» является 4 марта 1949 года. Именно в этот день хорошо оснащенный отряд бывших американских шпионов и полицменов одержал блистательную победу над проходившим по улицам Нью-Йорка молодым человеком. «Неприятель» был окружен с фланга, тыла и флангов, вынужден к капитуляции и направлен в американскую тюрьму. Офира на арест при этом предъявлено не было. Этот триумф американского полицейского произвола, быть может, прошел бы не слишком заметно для знакомого с полицейской дубинкой многомиллионного города, если бы не одно весьма существенное обстоятельство.

На улицах Нью-Йорка был схвачен и арестован советский дипломат — сотрудник Организации Объединенных Наций в дипломатическом ранге третьего секретаря Валентин Алексеевич Губичев. Этот факт бесспорно придает налету нью-йоркской полиции значение явного и циничного посягательства на основную принцип международного сотрудничества — на дипломатическую неприкосновенность, дипломатический иммунитет.

Гражданин советской страны В. А. Губичев приехал в Нью-Йорк по дипломатическому паспорту, выданному американским посольством в Москве 24 июня 1946 года. В этом официальном документе было с исчерпывающей ясностью советскими властями указано и американскими органами засвидетельствовано, что Губичев является сотрудником Организации Объединенных Наций и имеет дипломатический ранг третьего секретаря. Не вызвало и не могло вызывать сомнений, что такое положение должно было вполне обеспечить личную неприкосновенность Губичева как лица, имеющего дипломатический ранг и паспорт, засвидетельствованные компетентными органами СССР и США. По общепринятому порядку и по американским законам, дипломатический персонал пользуется дипломатическим иммунитетом. На этом основании Губичев решительно возражал на суде против обвинения в нарушении уголовного закона и судебного беззакония. Выслушав возражения Губичева, нью-йоркский судья, как полагают приличные судьи, сначала того размышлял, а затем после тяжелых мыслев ролил следующее решение: Губичеву в праве на дипломатический иммунитет отказано.

Представляет несомненный интерес вопрос правосудия удалось отвергнуть дипломатический иммунитет Губичева — вопреки бесспорным фактам и документам. Обращаемся к вероиспытанному.

Решение нью-йоркского судьи, содержащее отказ в признании за Губичевым права на иммунитет, пространно и витиевато. В нем есть многочисленные ссылки на судебные прецеденты и научные авторитеты. Оно, как старомодная диссертация, полно споров и примечаний. Но в этом ворохе слов и чужих слов, содержащихся в судебном решении, можно разглядеть лишь весьма слабые следы того, что принято называть юридической аргументацией.

Впрочем, для нью-йоркского судьи и нет нужды в юридической аргументации. Это не юридическая аргументация, а юридическая бутафория.

Действительно, вслед за историческими

Парижский конгресс сторонников мира нанес тяжелый удар пропаганде новой войны. Он открыл надежды миллионам простых людей и послал смутные в ряды поджигателей войны. Встрепанные могучим движением в защиту мира, провозгласившие торжество наветрять потерянность. Они лихо радостно обновляют «своей репертуар» созданием новых сенсаций и постановкой новых дел, призванных сеять вражду между народами, жажущими мира.

Одной из последних постановок этого типа является так называемое «дело Губичева».

Исходным моментом «дела Губичева» является 4 марта 1949 года. Именно в этот день хорошо оснащенный отряд бывших американских шпионов и полицменов одержал блистательную победу над проходившим по улицам Нью-Йорка молодым человеком. «Неприятель» был окружен с фланга, тыла и флангов, вынужден к капитуляции и направлен в американскую тюрьму. Офира на арест при этом предъявлено не было. Этот триумф американского полицейского произвола, быть может, прошел бы не слишком заметно для знакомого с полицейской дубинкой многомиллионного города, если бы не одно весьма существенное обстоятельство.

На улицах Нью-Йорка был схвачен и арестован советский дипломат — сотрудник Организации Объединенных Наций в дипломатическом ранге третьего секретаря Валентин Алексеевич Губичев. Этот факт бесспорно придает налету нью-йоркской полиции значение явного и циничного посягательства на основную принцип международного сотрудничества — на дипломатическую неприкосновенность, дипломатический иммунитет.

Гражданин советской страны В. А. Губичев приехал в Нью-Йорк по дипломатическому паспорту, выданному американским посольством в Москве 24 июня 1946 года. В этом официальном документе было с исчерпывающей ясностью советскими властями указано и американскими органами засвидетельствовано, что Губичев является сотрудником Организации Объединенных Наций и имеет дипломатический ранг третьего секретаря. Не вызвало и не могло вызывать сомнений, что такое положение должно было вполне обеспечить личную неприкосновенность Губичева как лица, имеющего дипломатический ранг и паспорт, засвидетельствованные компетентными органами СССР и США. По общепринятому порядку и по американским законам, дипломатический персонал пользуется дипломатическим иммунитетом. На этом основании Губичев решительно возражал на суде против обвинения в нарушении уголовного закона и судебного беззакония. Выслушав возражения Губичева, нью-йоркский судья, как полагают приличные судьи, сначала того размышлял, а затем после тяжелых мыслев ролил следующее решение: Губичеву в праве на дипломатический иммунитет отказано.

Представляет несомненный интерес вопрос правосудия удалось отвергнуть дипломатический иммунитет Губичева — вопреки бесспорным фактам и документам. Обращаемся к вероиспытанному.

Решение нью-йоркского судьи, содержащее отказ в признании за Губичевым права на иммунитет, пространно и витиевато. В нем есть многочисленные ссылки на судебные прецеденты и научные авторитеты. Оно, как старомодная диссертация, полно споров и примечаний. Но в этом ворохе слов и чужих слов, содержащихся в судебном решении, можно разглядеть лишь весьма слабые следы того, что принято называть юридической аргументацией.

Впрочем, для нью-йоркского судьи и нет нужды в юридической аргументации. Это не юридическая аргументация, а юридическая бутафория.

Действительно, вслед за историческими

Парижский конгресс сторонников мира нанес тяжелый удар пропаганде новой войны. Он открыл надежды миллионам простых людей и послал смутные в ряды поджигателей войны. Встрепанные могучим движением в защиту мира, провозгласившие торжество наветрять потерянность. Они лихо радостно обновляют «своей репертуар» созданием новых сенсаций и постановкой новых дел, призванных сеять вражду между народами, жажущими мира.

Одной из последних постановок этого типа является так называемое «дело Губичева».

Исходным моментом «дела Губичева» является 4 марта 1949 года. Именно в этот день хорошо оснащенный отряд бывших американских шпионов и полицменов одержал блистательную победу над проходившим по улицам Нью-Йорка молодым человеком. «Неприятель» был окружен с фланга, тыла и флангов, вынужден к капитуляции и направлен в американскую тюрьму. Офира на арест при этом предъявлено не было. Этот триумф американского полицейского произвола, быть может, прошел бы не слишком заметно для знакомого с полицейской дубинкой многомиллионного города, если бы не одно весьма существенное обстоятельство.

На улицах Нью-Йорка был схвачен и арестован советский дипломат — сотрудник Организации Объединенных Наций в дипломатическом ранге третьего секретаря Валентин Алексеевич Губичев. Этот факт бесспорно придает налету нью-йоркской полиции значение явного и циничного посягательства на основную принцип международного сотрудничества — на дипломатическую неприкосновенность, дипломатический иммунитет.

Гражданин советской страны В. А. Губичев приехал в Нью-Йорк по дипломатическому паспорту, выданному американским посольством в Москве 24 июня 1946 года. В этом официальном документе было с исчерпывающей ясностью советскими властями указано и американскими органами засвидетельствовано, что Губичев является сотрудником Организации Объединенных Наций и имеет дипломатический ранг третьего секретаря. Не вызвало и не могло вызывать сомнений, что такое положение должно было вполне обеспечить личную неприкосновенность Губичева как лица, имеющего дипломатический ранг и паспорт, засвидетельствованные компетентными органами СССР и США. По общепринятому порядку и по американским законам, дипломатический персонал пользуется дипломатическим иммунитетом. На этом основании Губичев решительно возражал на суде против обвинения в нарушении уголовного закона и судебного беззакония. Выслушав возражения Губичева, нью-йоркский судья, как полагают приличные судьи, сначала того размышлял, а затем после тяжелых мыслев ролил следующее решение: Губичеву в праве на дипломатический иммунитет отказано.

Представляет несомненный интерес вопрос правосудия удалось отвергнуть дипломатический иммунитет Губичева — вопреки бесспорным фактам и документам. Обращаемся к вероиспытанному.

Решение нью-йоркского судьи, содержащее отказ в признании за Губичевым права на иммунитет, пространно и витиевато. В нем есть многочисленные ссылки на судебные прецеденты и научные авторитеты. Оно, как старомодная диссертация, полно споров и примечаний. Но в этом ворохе слов и чужих слов, содержащихся в судебном решении, можно разглядеть лишь весьма слабые следы того, что принято называть юридической аргументацией.

Впрочем, для нью-йоркского судьи и нет нужды в юридической аргументации. Это не юридическая аргументация, а юридическая бутафория.

Действительно, вслед за историческими

Парижский конгресс сторонников мира нанес тяжелый удар пропаганде новой войны. Он открыл надежды миллионам простых людей и послал смутные в ряды поджигателей войны. Встрепанные могучим движением в защиту мира, провозгласившие торжество наветрять потерянность. Они лихо радостно обновляют «своей репертуар» созданием новых сенсаций и постановкой новых дел, призванных сеять вражду между народами, жажущими мира.

Одной из последних постановок этого типа является так называемое «дело Губичева».

Исходным моментом «дела Губичева» является 4 марта 1949 года. Именно в этот день хорошо оснащенный отряд бывших американских шпионов и полицменов одержал блистательную победу над проходившим по улицам Нью-Йорка молодым человеком. «Неприятель» был окружен с фланга, тыла и флангов, вынужден к капитуляции и направлен в американскую тюрьму. Офира на арест при этом предъявлено не было. Этот триумф американского полицейского произвола, быть может, прошел бы не слишком заметно для знакомого с полицейской дубинкой многомиллионного города, если бы не одно весьма существенное обстоятельство.

На улицах Нью-Йорка был схвачен и арестован советский дипломат — сотрудник Организации Объединенных Наций в дипломатическом ранге третьего секретаря Валентин Алексеевич Губичев. Этот факт бесспорно придает налету нью-йоркской полиции значение явного и циничного посягательства на основную принцип международного сотрудничества — на дипломатическую неприкосновенность, дипломатический иммунитет.

Гражданин советской страны В. А. Губичев приехал в Нью-Йорк по дипломатическому паспорту, выданному американским посольством в Москве 24 июня 1946 года. В этом официальном документе было с исчерпывающей ясностью советскими властями указано и американскими органами засвидетельствовано, что Губичев является сотрудником Организации Объединенных Наций и имеет дипломатический ранг третьего секретаря. Не вызвало и не могло вызывать сомнений, что такое положение должно было вполне обеспечить личную неприкосновенность Губичева как лица, имеющего дипломатический ранг и паспорт, засвидетельствованные компетентными органами СССР и США. По общепринятому порядку и по американским законам, дипломатический персонал пользуется дипломатическим иммунитетом. На этом основании Губичев решительно возражал на суде против обвинения в нарушении уголовного закона и судебного беззакония. Выслушав возражения Губичева, нью-йоркский судья, как полагают приличные судьи, сначала того размышлял, а затем после тяжелых мыслев ролил следующее решение: Губичеву в праве на дипломатический иммунитет отказано.

Представляет несомненный интерес вопрос правосудия удалось отвергнуть дипломатический иммунитет Губичева — вопреки бесспорным фактам и документам. Обращаемся к вероиспытанному.

Решение нью-йоркского судьи, содержащее отказ в признании за Губичевым права на иммунитет, пространно и витиевато. В нем есть многочисленные ссылки на судебные прецеденты и научные авторитеты. Оно, как старомодная диссертация, полно споров и примечаний. Но в этом ворохе слов и чужих слов, содержащихся в судебном решении, можно разглядеть лишь весьма слабые следы того, что принято называть юридической аргументацией.

Впрочем, для нью-йоркского судьи и нет нужды в юридической аргументации. Это не юридическая аргументация, а юридическая бутафория.

Действительно, вслед за историческими

Парижский конгресс сторонников мира нанес тяжелый удар пропаганде новой войны. Он открыл надежды миллионам простых людей и послал смутные в ряды поджигателей войны. Встрепанные могучим движением в защиту мира, провозгласившие торжество наветрять потерянность. Они лихо радостно обновляют «своей репертуар» созданием новых сенсаций и постановкой новых дел, призванных сеять вражду между народами, жажущими мира.

Одной из последних постановок этого типа является так называемое «дело Губичева».

Исходным моментом «дела Губичева» является 4 марта 1949 года. Именно в этот день хорошо оснащенный отряд бывших американских шпионов и полицменов одержал блистательную победу над проходившим по улицам Нью-Йорка молодым человеком. «Неприятель» был окружен с фланга, тыла и флангов, вынужден к капитуляции и направлен в американскую тюрьму. Офира на арест при этом предъявлено не было. Этот триумф американского полицейского произвола, быть может, прошел бы не слишком заметно для знакомого с полицейской дубинкой многомиллионного города, если бы не одно весьма существенное обстоятельство.

На улицах Нью-Йорка был схвачен и арестован советский дипломат — сотрудник Организации Объединенных Наций в дипломатическом ранге третьего секретаря Валентин Алексеевич Губичев. Этот факт бесспорно придает налету нью-йоркской полиции значение явного и циничного посягательства на основную принцип международного сотрудничества — на дипломатическую неприкосновенность, дипломатический иммунитет.

Гражданин советской страны В. А. Губичев приехал в Нью-Йорк по дипломатическому паспорту, выданному американским посольством в Москве 24 июня 1946 года. В этом официальном документе было с исчерпывающей ясностью советскими властями указано и американскими органами засвидетельствовано, что Губичев является сотрудником Организации Объединенных Наций и имеет дипломатический ранг третьего секретаря. Не вызвало и не могло вызывать сомнений, что такое положение должно было вполне обеспечить личную неприкосновенность Губичева как лица, имеющего дипломатический ранг и паспорт, засвидетельствованные компетентными органами СССР и США. По общепринятому порядку и по американским законам, дипломатический персонал пользуется дипломатическим иммунитетом. На этом основании Губичев решительно возражал на суде против обвинения в нарушении уголовного закона и судебного беззакония. Выслушав возражения Губичева, нью-йоркский судья, как полагают приличные судьи, сначала того размышлял, а затем после тяжелых мыслев ролил следующее решение: Губичеву в праве на дипломатический иммунитет отказано.

Представляет несомненный интерес вопрос правосудия удалось отвергнуть дипломатический иммунитет Губичева — вопреки бесспорным фактам и документам. Обращаемся к вероиспыт